

ступал в печати, писал стихи до самой смерти (известны высокие отзывы, которые давал им столь компетентный знаток поэзии, как Гете),²⁵ — причем занимался он поэзией настолько серьезно, что его младший современник А. И. Тургенев (кстати, также вполне «дилетант» в литературе) заметил: «Был у Ханыкова <. . .> Стихи хороши; но грустно видеть старика, отжившего век на стихах».²⁶

Еще более яркое выражение поза поэта-дилетанта, занимающегося стихами только на скорую руку, между делом, в свободное время, нашла в творчестве Н. А. Львова — одного из самых оригинальных талантов столетия.

Не вдаваясь в подробности, позволю себе напомнить только о свойственной Львову манере демонстративно подчеркивать, что пишет он «между делом», «урывками» и т. д. Эта манера проявляется у Львова рано: уже на автографе стихотворения «Увы! что в свете есть злей муки. . .» стоит характерная для поэта уточняющая помета: «1774 авгу<ста> 8 у Баку<ниных>» — и приписка в конце: «На скору руку. Август 1774».

Отправляя адресату «Эпистолу к А. М. Бакунину. Фортуна» Львов в начале опять-таки делает помету: «Из Павловского июня 14. 1797», а затем следует приписка: «Пришли, пожалуйста, назад, я как написал, так к тебе и посылаю, у себя помарочки не осталось». Любопытно, что в рукописном собрании стихотворений Львова сама «Эпистола» переписана писцом, затем рукой Львова прибавлена цитированная приписка, а после нее — снова рукой писца — ответ Бакунина: «Вот вам копия; у вас кто-нибудь разберет и переписет, а оригинала не отдам. . .»

Аналогично в письме 24 мая 1799 г., сочиненном стихами и прозой по поводу стихотворения Державина «На победы в Италии» и адресованном ему же. После письма постскриптум: «Глаза у меня так болят, что я не токмо сам писать, но и поправить писанного не могу <. . .> Что продиктовал, того у меня не осталось, а потому для справки прошу прислать мне копию, которую ящик списать не позволяет» (между прочим, это письмо, вместе с постскриптумом, переписано в собрании стихотворений дважды).

То же в письме П. В. Лопухину: «Июля 18 дня 1801-го года: «Не прогневайтесь, что не успел переписать, пишу на чужой бумажке, в канцелярии Александра Андреевича, ожидая его возвращения, а почта идет и не ожидает». Опять-таки и это письмо, написанное «на чужой бумажке», которое автор якобы «не успел переписать», аккуратнейшим образом зафиксировано в сборнике стихотворений.

Надо заметить, что демонстративная поза поэта-дилетанта сослужила Львову посмертно весьма дурную службу: исследователи, поверив поэту на слово, довольно долго утверждали, что Львов не только не придавал своим стихам значения, но и не печатался, хотя в действительности Львов был анонимным участ-

²⁵ См.: Лит. наследство. М., 1932. Т. 4—6. С. 240—242.

²⁶ Там же. С. 240.